

Слез не было, я просто смотрел на все пустым взглядом, механически переставлял ноги и делал все, что требовалось от сына. Я не хотел осознавать, что в очередной раз упустил возможность побыть с близкими больше времени, что отталкивал их, не пытаюсь понять. Еще хреневее становилось от осознания, что я почти не горевал. Ощущение было, будто умерли хорошие знакомые, но не более. Впрочем, такими они мне и были. Знакомыми, но так и не принятыми мною на роль отца и матери. Мне было грустно, я ощущал легкое сосущее чувство в сердце, но так же понимал, что легко оправлюсь от всего этого. Эта пара получила право зваться родственниками, но до конца я их не принял. Может оно и к лучшему. Расклейся и я, кто бы обратил внимание на горе Цунаде? Мито-сама? Это даже не смешно.

Я знал, что мой отец был ее сыном, причем не самым старшим, первенца она потеряла еще раньше и тот даже не оставил детей. Мне даже было известно, что мать какая-то дальняя ей родня. Только... я не видел в ней горя или надлома. Она стояла рядом с портретами все такая же гордая и негибкая, много раз за время церемонии прощания, отвергая помощь мужа. Да, Хаширама и даже Тобирама тоже тут присутствовали, оба старались выглядеть невозмутимо, но глаза у них были пустыми, что для меня лучше всего показывало насколько эти смерти их подкосили. Впрочем, я мог ошибиться в своих прогнозах, ведь долго пялиться на кого-нибудь из присутствующих не мог. Невежливо, да и стоящая рядом Цунаде требовала внимания. Я, неожиданно, ощутил за нее всю ответственность. Уж слишком потерянной и никому ненужной она казалась в толпе. Девочка была не готова к потерям, столкновению с действительностью. Я ее понимаю. По словам наставников наша семья входила в элиту Клана, поэтому сложно было даже допустить мысль, что кто-то умрет.

Умерли. Растворились в небытие. В очередной раз убеждаюсь, что в этом мире нет ничего вечного, а еще... в жестокости Мито-сама. Если в то, что Тобирама с Хаширамой не увидели странного поведения Цунаде я еще верил, но не в то, что этого не заметила она сама. В конце концов, я отчетливо слышал, как она жестким тоном требовала у нее не позорить Клан, а на меня просто смотрела строго и отчасти одобрительно. И этого я не понимал, но противопоставить ей было нечего. Не устраивать же сцены на потеху толпе? Тем более, среди нее мелькали представители не только Клана Сендзу. Я видел и другие монеты, но не знал насколько искренни их соболезнования, скованные жесткими рамками правил. Для меня их соболезнования были слишком однотипными, а от этого все более фальшивыми, что заставляло искать куда перенаправить внимание, чтобы не закипеть, поэтому я внимательно следил за стоящей рядом Цунаде, видя, как ее тяготит происходящее.

Маленькая избалованная принцесса лишилась тех, кто будет терпеть все ее закидоны, но сейчас об этом еще не думала, просто пыталась осознать потерю и найти новую опору. И не находила. Взрослых волновало совершенно другое, а служанки, которых к нам приставили, не торопились проявлять человеческие качества. Я сам просто не знал, что сделать, чтобы не стало еще хуже. Моей фантазии хватило лишь на то, чтобы сделать вид, что утомился и наотрез отказаться уходить без Цунаде. Благо, хватило ума начать это требовать, когда Мито-сама отвлекли и рядом с нами остался только Тобирама. Расчет был на то, что он просто от нас отмахнется и тем самым даст возможность действовать, как я хочу, но он проявил неожиданное участие, лично отведя нас в комнату Цунаде и выгнав служанок. Уходя он даже неловко растрепал мои волосы и попросил приглядеть за «малышкой Цу». Правда, когда я поднял голову и увидел его невозмутимо-равнодушное лицо, посчитал, что у меня были галлюцинации. И тактильные, и слуховые.

Тобирама ушел, а вот я остался наедине с не совсем адекватной маленькой девочкой, которая даже не плакала, просто сидела непривычно тихая. Не в ее характере было молчать. Сейчас же она сидела и молча раскачивалась, из стороны в стороны. Это было жутковатое зрелище. Лучше бы она рыдала, устраивала истерики, чем... так. Только вот как помочь? Вывести из ступора? Я знал только одно средство, но... впрочем, выбора не было, я и без того мялся слишком долго.

Откинув сомнения я подошел к неподвижной девочке и ударил по щеке, но отклика не было. Слишком слабо? Я боялся навредить, но следующий удар был сильнее, третий она перехватила и в карих глазах полыхнуло пламя, что заставило меня вырвать руку и поторопиться сбежать. Кажется, она даже забыла почему сидела неподвижно, просто рванула покарать обидчика, но неудобная одежда сделала свое дело и вместо того, чтобы ловко вскочить и врезать мне по первое число, она смогла лишь подняться и сделать лишь пару шагов, а после неуклюже упала, больно прикладываясь о пол. Это послужило катализатором, слезы моментально брызнули из глаз. Я сразу же остановился, не представляя что делать дальше. Неловко мялся неподалеку, боясь сделать шаг и пытаясь промямлить хоть что-то утешительное. Без толку. Она рыдала громче, а у меня на душе становилось все поганее и поганее, заставляя подходить все ближе и ближе, уговаривая успокоиться, прекрасно понимая, какую чушь я несусь.

В какой-то момент я подошел слишком близко и не успел среагировать, когда она схватила меня и профессионально скрутила, но бить не стала, только слезы полились сильнее и вой чуть поменял тональность, можно было разобрать отдельные слова. Очередные претензии, ко мне, погибшим родителям, к слишком строгой Мито-сама. Она ими буквально захлебывалась, заливая слезами и соплями мою одежду, пока я боялся лишней раз вздохнуть и спровоцировать. Иллюзий о том, что я сильнее, у меня не было. Пусть мое обучение еще даже не начиналось, но я мог наблюдать за хвастающейся своими достижениями Цунаде. Трудно было признать, но я ей не соперник, пока не соперник. Только вот и она драться не собиралась, я слишком быстро перешел из разряда «враг народа» в статус «жилетки для слез». Не скажу,

что я именно этого добивался, но это же не так плохо? Где-то я слышал, что слезы облегчают боль, но так ли это? Не знаю. Однако и оставить Цунаде одну я не могу, поэтому просто освобождаю из ослабленного захвата руки и неуверенно обнимаю ее.

Надеюсь, я все делаю правильно. Все же не мастак я утешать, совсем, да и организм тоже подкидывает подлянку, реагируя на стресс самым простым способом — слезами. Видимо, я все же не такой железный, как о себе думал. Мог бы — ушел успокоиться, но девочка на удивление крепко удерживала меня на месте, не давая встать с жесткого пола, пока нас с Цунаде просто не вырубил. Не помешал ни твердый пол, ни придавившая меня тушка девочки.

Очнулся я совсем разбитым, с затекшим телом и там же, где отрубился, только Цунаде сползла с меня, свернувшись калачиком рядом, крепко удерживая за руку. Попытки освободиться ни к чему хорошему не привели, мою ладонь лишь сжали сильнее, грозя в любой момент переломать кости, пришлось смириться и просто сесть, дожидаясь пока проспится моя сестрица. Не звать же на помощь кого-то еще? Во-первых, не факт, что услышат. Во-вторых, Цунаде мне спасибо не скажет, если я позволю еще хоть кому-то увидеть ее слабость. Сам же я ее до кровати не дотащу, даже если каким-то непостижимым образом заберу у нее свою руку.

Затрудняюсь сказать сколько мне пришлось так просидеть, периодически проваливаясь в сон и просыпаясь, когда начинал падать (или уже упал) на пол. Подобное не давало отдохнуть как следует и в конце концов, я не выдержал, растолкал Цунаде, сумев переправить ничего не соображающую девочку на кровать, но отпускать меня она отказалась. Я же был не в том состоянии, чтобы спорить, смирившись с тем, что продолжу играть роль плюшевого мишки. Меня радовало уже то, что буду делать это не на полу.

Следующее пробуждение было не таким спокойным, как первое, хотя бы из-за того, что проснулся я упав на пол. Ну, сам виноват, стоило проснуться раньше Цунаде, которая обнаружив меня рядом и вспомнив свое поведение вчера, смутилась. По крайней мере, мне так показалось, поэтому я лишь мученически вздохнул и ушел к себе, под аккомпанемент ее воплей. Ожидаемая реакция и я несколько не удивился, когда она потопала за мной, но была отловлена служанками и утащена назад, приводить себя в порядок. Мне же просто передали, что меня ждут наставники. Все. Вот так просто, не давая времени прийти в себя. И не важно, что произошедшее задело меня куда меньше Цунаде, но вот то, что вроде как воспитывающая нас Мито-сама даже не попыталась поговорить с нами... неприятно. Умер ее сын и невестка, а она сделала все, чтобы это проходило мимоходом, в очередной раз вгоняя нас в рамки. Будь я действительно двухлетней психологически, это бы оставило глубокий след и повлияло бы на меня в дальнейшем, так же... неприятно, но не смертельно. Я просто двигался дальше, просто

не прячась от действительности за книгами и уделяя время сестре. Она была непротив, не уверен, но, кажется, я своим поступком невольно сделал ее зависимой от себя, создав куда более крепкие отношения, чем у нас были до этого. Теперь Цунаде не отмахивалась от меня, зачастую стараясь сама побольше времени проводить рядом. Пока это не было проблемой, но наша изоляция от других детей могла привести к непоправимому. Только вот самостоятельно решить эту проблему я не мог, да и возраст был еще небольшой, поэтому решил не заморачиваться. Время терпит, главное самому продолжать воспринимать ее сестрой.

Резкое изменение в поведении Цунаде заметили, но панику никто не подымал. Наоборот, я видел одобрение в чужих глазах. Кажется, все радовались, что наши скандалы (на деле я обычно молчал, все за меня делала сестра) ушли в прошлое. Цунаде зачастую сама спрашивала чем может помочь, конечно, со временем заикленность стала уменьшаться и проявляться в таком комплексе младшего брата. Ну, я надеялся что это так. С чужим комплексом мне было смириться гораздо легче, чем с нездоровым интересом со стороны сестры. Воспринимать ее иначе, я отказывался, все же мне повезло, что мы росли вместе и я всегда воспринимал ее ребенком.

Впрочем, Цунаде была меньшей из моих проблем, куда больше меня напрягало другое. После похорон родителей, в круг моих обязанностей вошло посещение и других скорбных ритуалов. Теперь я обязан был быть рядом с Мито-сама и дедулями (если они были в Конохе), первым принося соболезнования тем, кто потерял родных в войне. Это напрягало. В конце концов, мне даже трех лет нет, почему я должен изгаляться и кому-то сочувствовать? Только из-за того, что мне пытались внушить, что я часть Клана Сенджу и несу ответственность за каждого из них? Только вот проблема была в том, что несмотря на все старания наставников, проникнуться тем, что часть такого могучего Клана, я не смог. Благо, мне хватало мозгов не говорить это вслух, это бы точно не устроило Мито-сама, с которой мы с момента смерти родителей, отделились еще сильнее. Я просто не мог понять почему она делает вид, что ничего не произошло, для нее все по старому. Да и зачем она таскает меня повсюду? Для чего создает образ идеального наследника Сенджу? Я бы понял, если бы приходилось сочувствовать только своим, но ведь теперь меня брали и в другие Клань. Только и там не было успокоения. С детьми мне было не интересно, а оставаться слушать взрослые разговоры мне не разрешалось. В итоге, для меня подобные «походы», оказались сродни наказанию. Я даже лучше относился к заучиванию трактатов по травмам. Они были пусть и скучны, зато приносили пользу, да и сон навевали моментально.

Жизнь становилась слишком рутинной, мой прогресс замедлился, ведь в силу возраста мне было опасно учиться чувствовать чакру или же переходить к более серьезным тренировкам тела. Внезапно оказалось, что у меня вновь начало появляться свободное время и что меня подталкивают к сверстникам, которых среди Сенджу оказалось не так уж и мало. Целых два десятка детишек от двух и до пяти. Только вот я их предпочитал игнорировать, изредка ввязываясь в подвижные игры, но не более, предпочитая проводить время с книжкой. Слишком

хорошо помнил урок, который мне преподнесла Мито-сама. Друзья могут стать слишком большой слабостью, ведь защитить их я пока не могу, а давать новые рычаги воздействия? Не дождется.

Только вот я вновь ошибся. Не привязываться к людям? Допустим. Единственная, кого я к себе подпустил, это Цунаде, ее уж точно не тронут, в безумной попытке вытравить мои слабости, сделать готовым ко всему. Однако я как забывал, что приближается третий День Рождения. День, после которого мне начнут помогать почувствовать чакру. Все бы ничего, но тогда я еще не знал, что сделать это проще всего в стрессовой ситуации, когда организм активизирует скрытые резервы. Вывести же из равновесие меня... трудновато. Слишком уж показательно я старался не привязываться ни к кому, а рисковать моей жизнью... может бы кто и стал, только вот проблема в том, что я единственный наследник мужского пола, а сама Мито-сама уже не в том возрасте, чтобы рожать. Хотя и это меня не спасло.

Я любил читать и мне не нравились шумные сборища. Сразу же, как мне стали позволять гулять, я начал исследовать доступную территорию. Мне нравилось бродить среди деревьев и представлять, что я вновь в диком лесу и мне не два года, а все двадцать. Были у меня и любимые укромные местечки. В особенности нравилось одно и не только мне. Какая-то птица свила гнездо возле небольшого пруда, где и росла так полюбившаяся мне плакучая ива, создающая своими ветвями небольшое природное укрытие. Я в целом, не был против такого соседства и никогда не лазил по деревьям, чтобы посмотреть на содержимое гнездышка. Банально боялся, что его уроню, зато мне нравилось слушать пение птиц. Очень нравилось. Пару раз даже приходилось поднимать упавших на землю птенцов, возвращая испуганным родителям. Дошло до того, что я соорудил им небольшую кормушку и каждый день приносил немного зернышек риса или хлеба. Я к ним привязался, позволив себе забыться, радуясь, как ребенок, когда подросшие птенцы стали меня узнавать и даже садиться на протянутую руку. Это было счастливое время. Рядом с ними я отдыхал, даже не пытаюсь задаться вопросом, а почему пташки так хорошо ко мне относились и слишком быстро позволили себя приручить. Меня это не интересовало, рядом с ними я мог быть просто собой и на миг забыть о проблемах.

Зря. Это мне показали быстро, подготовив мне подарок на День Рождения, который я смог обнаружить только на следующий день, ибо в сам «праздник» был занят. Встречал гостей и принимал поздравления, всем своим видом пытаюсь внушить трепет. На деле, максимум, что я мог внушить это смех, но Мито-сама подобное не волновало. Она даже умудрилась в очередной раз собрать рядом и Хашираму с Тобирамой. Всего на пару дней, но все же, подобное можно считать достижением, но мне просто хотелось сбежать. Этот праздник по прежнему был не для меня, а для взрослых. Быть же ширмой мне не нравилось и едва мне удалось, сразу же ушел к своей иве, чтобы в предрассветном тумане обнаружить... кучу окровавленных перьев и единственного, издевательски целого, недавно оперившегося птенца. Мертвого птенца.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/55597/1417852>